

В.З. Демьянков

Москва

vdemiank@vdemiankov.msk.ru

О ТЕХНИКАХ ПОНИМАНИЯ ИМПЛИЦИТНОСТИ РЕЧИ

Проблема понимания не относится к сфере «чистой» лингвистики: в ней переплетаются интересы самых разных наук о человеке.

1. Понимание двухфазисно или даже трехфазисно. Как известно, «картинная теория значения» (picture theory of meaning) предполагает, что языковое выражение дает картину мира, «рисуемого» предложением.

Л. Витгенштейн, создатель наиболее эксплицитного варианта этой теории, в свой «поздний период» сам отказался от такого подхода. Однако в обыденном языке, в «наивном представлении» о понимании (или в «наивной герменевтике») именно так представляется сам процесс понимания. А именно, мы как бы «видим» (воспринимаем) языковое выражение, «перерабатываем» его и рисуем портрет — мысленный образ сказанного. Такое представление отражено, например, в тех различных группах значений, которые выводятся для глагола *понимать* в словаре под ред. Ю.Д. Апресяна; отражено это и в словаре под ред. Н.Ю. Шведовой. Конечно, лингвисты и психологи не соглашались с тем, что именно так и выглядит понимание. Однако обыденный русский язык говорит нам: понимая, мы рисуем картину по воспринимаемому высказыванию.

При таком взгляде понимание речи состоит из двух главных фаз, только в идеале полностью реализованных на практике. А именно:

- сканирование речи, «восприятие» формы ее;
- отображение средствами «художника» — интерпретатора — результатов понимания.

Соответственно этому можно говорить о двух видах техники понимания: технике сканирования и технике воспроизведения.

Техника сканирования — навык, получаемый опытным читателем или слушателем при акустическом или визуальном восприятии дискурса. Когда, объясняя неудачу восприятия чужой речи, говорят: «Я вас что-то не понимаю», имея в виду акустическую сторону, то наносят говорящему гораздо меньшую обиду, чем приписывая трудности второй фазы — осмысления уже воспринятой речи. Изъяны слуха гораздо более простительны, чем изъяны интеллекта. Именно таков человеческий мотив немецкого *Ich habe Sie rein akustisch nicht verstanden* «я Вас чисто акустически не понял».

Далеко не все глаголы ментальной деятельности указывают исключительно на человека как генератора значения. Например, английское *mean* имеет и значение «означать», и «иметь в виду»: *X means Y* значит и «слово X значит Y», и «Человек X имеет в виду Y». По-русски в этом случае имеем два разных лексических предиката — *значить* (или *означать*) и *иметь в виду*, а по-английски один — *mean*. Однако и по-русски, и по-английски субъектом понимания является только человек.

Немецкое *es versteht sich von selbst*, французское *cela se comprend* и *(cela) s'entend*, итальянское *si comprende da sé* «само собой разумеется» отражают вторую стадию понимания, а именно, «уразумение», усвоение / освоение сказанного. По-русски не говорят *это понимается* — только *разумеется*. Кроме того, в немецком есть отдельный глагол *sich verständigen*. Например: *Sie werden sich leicht mit ihm verständigen* — «вы легко сговоритесь с ним». А немецкая поговорка *es ist besser sich zu verständigen, als zu prozessieren* ($\approx$ худой мир лучше доброй ссоры) буквально переводится так: «добиться взаимопонимания лучше, чем судиться».

Испанское *entenderse*, букв. «пониматься», имеет значение «относиться к чему-либо, касаться чего-либо». Например: *no se entiendo eso conmigo* — «я тут ни при чем»; *¿cómo se*

entiende?, *¿qué se entiende?* — «как прикажете это понимать?», «что это значит?»).

2. Интерпретативный подход. Главная проблема «картинной теории» заключается в следующем. Если по предложению мы рисуем его «картину», то, по-видимому, следующим этапом должно быть «понимание» этой картины. Если это понимание заключается в еще одной «картине», которая в свою очередь подвергается «пониманию», то когда наступает конец этой бесконечной галереи картин?

Из некоторых затруднений с «картинной теорией» выводит так называемый интерпретативный подход: понимание состоит не в рисовании картины, а в выполнении — попутно сканированию — действий, эксплицитно или имплицитно предписываемых высказыванием (и/или его автором — реальным или предполагаемым, *implied author*, «вычисляемым» нами) для выполнения. В этом состоит аналогия с понятием «интерпретация», используемым в теоретическом программировании: в отличие от «трансляции» (режима «прочтения» текста программы, при котором текст программы сначала переводится целиком на язык элементарных команд и только потом выполняется), при интерпретации сканирование и «осмысление» протекают параллельно друг другу.

3. «Имплицитность» — термин, определяемый через термин «понимание». Когда говорят об имплицитности, имеют в виду, что говорящий чего-то «недовложил» в свою речь, которую, тем не менее, адресат способен понять и «доинтерпретировать» (часто имея полное право потребовать от собеседника «отстоя и долива» речи). Техника понимания имплицитности как раз и состоит в установлении того, что же недовложено и как следует восполнить этот пробел, опираясь на сам текст, на обстоятельства его восприятия, а иногда даже на знание жизненного пути автора речи.

Понятие эксплицитности речи также многозначно и относится, по меньшей мере, к следующим моментам, некоторые из которых взаимозависимы:

— упоминание чего-либо хотя бы намеком, не обязательно явно; то есть наличие в речи знака чего-либо; такая эксплицитность противопоставлена неупоминанию, забвению или эллипсису;

— высокая четкость границ при этом упоминании, легкое вычисление того, о ком или о чем идет речь — коль скоро называется имя или описание;

— степень конкретности (*specificity*), уместная и нормативная в конкретном контексте упоминания; например: *Шуш-кина укусило животное / собака / болонка / беленькая болонка Белка соседа по лестничной клетке*. Однако степень детализации практически безгранична, и всегда могут найтись основания обвинить говорящего в недостаточной эксплицитности;

— название предмета речи прямо (с указанием имен, фамилий, партийных кличек, адреса и формулы крови) — в противоположность непрямому описанию, по которому, тем не менее, интерпретатор в состоянии локализовать объект.

4. Обязательная и факультативная имплицитность/эксплицитность. Если эксплицитность необлигаторна, она бывает иногда настолько подозрительной, что понимающий вынужден подозревать подвох. Например, если он видит перед собой муху, а ему говорят: «Смотри-ка, муха!», приходится прибегать к такой технике понимания, которая позволяет выяснить, зачем было говорить такую буквально «очевидную» вещь. В этом случае интерпретатор прибегает к технике установления того, какого реального действия по отношению к объекту от него требуют («сгони / покорми эту гадость / радость»), к технике эстетической оценки (если он понимает реплику как призыв полюбоваться красотой этого создания) и т.п. Раздраженное: «Да (сам / сама) вижу» — крик отчаяния оттого, что установить имплицитное не удастся («чего вы от меня хотите?») или не удастся правильно прореагировать на неявно (имплицитно) поданное содержание речи («муха гадкая, но у меня в руках дорогая ваза»).

Другой пример — техники понимания комплимента. Когда кому-либо говорят: «Ах, как вы прекрасно выглядите!», то, в

зависимости от того, что сам о себе человек думает, он может пойти по одному из двух путей:

— тот, кто считает, что это правда, задумывается: «А к чему говорить о том, что и так очевидно?». И дальше — как в случае с мухой;

— тот, кто критично относится к себе и считает, что сказанное — неправда, поймет, что ему хотели сказать нечто приятное, и имеет, среди прочего, все основания огорчиться, но по иному поводу: именно потому, что другие заметили, что это неправда.

(Между двумя такими техниками понимания, к счастью, лежат другие, более щадящие.)

Вот почему можно представить себе, что в некоторых субкультурах комплименты запрещены. Если таможенник при исполнении служебных обязанностей спрашивает: «Это Ваш чемодан?», — вряд ли следует это понимать как: «Чудная вещица», и уж тем более предлагать эту вещицу в подарок.

5. Имплицитность и сверхэксплицитность. Но есть и облигаторная неэксплицитность. А также есть примеры факкультативной эксплицитности в одном языке при облигаторной эксплицитности в другом. Например: предложениям, в которых по-русски нет указания на то, кто является обладателем какой-либо части тела, соответствуют английские предложения с обязательным таким указанием.

5.1. Вот, например, типичная ошибка иностранцев, говорящих по-английски: * *In the hands he was holding a small bird* вместо *In his hands he was holding a small bird*. По-русски мы говорим: *В руках он держал маленькую птичку*. Предложение *В своих руках он держал маленькую птицу* звучит так, как будто бы говорящий сомневается, поймут ли его правильно, если он не укажет, в чьих руках. Однако оснований для таких сомнений вроде бы и нет, ведь предложение *В моих руках он держал маленькую птицу* звучит абсурдно и не заслуживает внимания в качестве альтернативы, отсекаемой переводом с местоимением *своих*.

Итак, не все здесь так просто и прямолинейно.

Другой пример: *He scratched his head* — Он почесал (или поцарапал) (? свою) голову. Более убедительно с местоимением будет: Он почесал свою **седую** (или глупую и т.п. — с эпитетом) голову. Еще один пример со «странным» *свои*: Они вытянули (? свои) руки — *They held out their hands*.

Зато в следующем случае по-русски *свои* столь же уместно, что и по-английски: *She took him in her arms* — Она приняла его в свои объятия. Хотя предложение *Она приняла его в мои объятия* звучало бы дико, но *свои* здесь — почти обязательно, и в русском словаре только в таком виде и указывается: «принять кого-л. в свои объятия». Аналогично в выражениях типа: *на свою (седую) голову* — но не * *жить на свою широкую ногу*. Если что-либо «сваливается на голову», то кому-либо — а не на чью-либо голову, ср.: *Гости свалились ему как снег на голову*, но не * *Гости свалились как снег на его голову*. Только в игровом употреблении допустимо: *Гости все сваливались и сваливались (с крыши), один за другим, на его голову*.

Итак, общее правило таково: по-английски при указании частей тела обычно бракуются формы без притяжательного местоимения, а случаи без местоимения в словаре перечисляются отдельно. Например, перечисляются случаи типа: *On the one hand — on the other hand* «с одной стороны — с другой стороны», *at hand* «в наличии» и даже *a hand*, как в случае: *Please give me a hand with this math problem. I can't solve it*. По-русски же это местоимение обязательно только в примере с объятиями или с явным или подразумеваемым эпитетом. Или в других отдельно перечисляемых случаях.

В подобных примерах мы наблюдаем несколько разное отношение к интерпретатору в русскоязычной и англоязычной среде. Контрастивное сопоставление того, каковы презумпции говорящего в общении по-русски и по-английски, входит в сферу контрастивной прагматики.

5.2. Почти в каждом музее в России вы встретите надпись: *Руками не трогать!* (ср. английское *Visitors are requested not to touch the exhibits*). Это не значит, что в наших музеях если что чем и можно трогать, то ногами, а не руками. Скорее здесь

сказывается предупредительность говорящего по отношению к интерпретатору: «Ты, конечно, сразу же (своими руками) захочешь все это потрогать. Так нет же. Руками не трогать!» Кстати, странно, почему не пишут «По газонам ногами не ходить» (или — еще более убедительно * *По газонам своими ногами не ходить*) — только просто: «По газонам не ходить».

6. Техника понимания сверхэксплицитного. Есть случаи, когда нечто легче сказать, чем понять: требуется особое умение, особые «техники понимания».

В обыденной речи сочетание наречий *всегда* и *обычно* встречается довольно часто и кажется при первом предъявлении нормальным. Например: *Обычно всегда удавалось решить проблему, сделав взаимные уступки и спрямляя линию границы* (Н.С. Хрущев. Время. Люди. Власть. Кн. 2. Ч. 3). Однако при внимательном рассмотрении оно может показаться нелогичным. Ведь если нечто происходит или обладает некоторым качеством **обычно**, значит иногда бывают случаи, когда это не так, и поэтому случается **не всегда**. Но тогда зачем *всегда* после *обычно*?

А при втором прочтении у интерпретатора возникает подозрение все-таки о нормальности таких словосочетаний.

И только прямой вопрос «зачем здесь употреблено *обычно всегда*?» вызовет оторопь «наивного» интерпретатора.

Аналогично воспринимаются и другие подобные сочетания, например:

— **обычно** и **никогда**: *Сын прибавлял в весе, и родители начали даже распускать слух о том, что он якобы сказал «агу», чего с двухнедельным младенцем **обычно никогда** не бывает* (И. Ильф, Е. Петров. Счастливый отец); ... *от волнения он даже вставляет не совсем приличные слова, чего **обычно никогда** не делает* (А.Я. Бруштейн. Дорога уходит в даль...: Кн. 2. В рассветный час. 1957—58); *Чик хорошо знал последовательность его действий. Они **обычно никогда** не менялись* (Ф. Искандер. Рассказы о Чике); *Юмористы **обычно никогда** не бывают главными, а если они становятся главными, то они уже обычно не юмористы* (Ф. Кривин. Изобрета-

тель вечности: Повести, рассказы, очерки. 1985); *Но вдруг, как в замороженном каком-то колесе, стала история повторяться, как она **обычно никогда** не повторяется — как еще раз бы насмешливо просила всех актеров переиграть, попытаться лучше, — через 6 лет снова так же нависала Австрия над Сербией, только еще несправедливее, — и снова держал Николай телеграмму Вильгельма...* (А.И. Солженицын. Август Четырнадцатого); *... опьянеть Вера не боялась — сколько бы она ни пила, пьяной **обычно никогда** не бывала, вокруг все хмелели, и здоровые мужики тоже, а она, выпив с ними наравне, всегда оставалась почти трезвой* (В.В. Орлов. Происшествие в Никольском. 1969—72);

— ***обычно** и как правило*: *Это **обычно** был моряк в свитере, пришедший сюда прямо с корабля в короткую минуту стоянки, с двумя девушками — **как правило**, именно с двумя* (Ю. Семенов. Дунечка и Никита); *Он **обычно-то, как правило**, автовокзал этот новым стороной обходил* (А. Хургин. Как-кая-то ерунда); *Совсем неожиданно для отца он попросил с ним встретиться, хотя, **как правило**, на такие встречи у него **обычно** не хватало времени — настолько он всегда был занят* (Э. Малышев. Властелины Галактики); *Но, **как правило**, эти появления **обычно** заканчивались тем, что у Ива появлялась некая информация, о существовании которой он до того момента даже не подозревал* (Р. Злотников. И пришел многоликий). Очень часто возникает подозрение о неполной редакторской выверенности этих предложений — даже в деловой речи, например: *К сожалению, **как правило**, работодатели **обычно** стремятся расстаться как с виновником конфликта, так и с его жертвой* (Т.Ю. Базаров, Б.Л. Еремин, ред. Управление персоналом, 2002); кроме того, между *обычно* и *как правило* в рамках простого предложения идут чаще всего еще какие-нибудь члены предложения;

— ***как правило** и всегда*: *Как **правило, всегда** бывает наоборот* (С. Агаев. Седьмой совершенный); *Среди собак-ищеек у дамочек нюх, **как правило, тоже всегда** лучше, чем у кобелей* (Г.П. Климов. Протоколы советских мудрецов); в следую-

щем предложении — в отличие от предыдущих — сочетание это сравнительно легко объяснимо: *Половина посетителей в «Арене» обычно иностранцы, которые, как правило, всегда подозревают, что их обслуживают не так, как надо* (С. Гансовский. Дом с золотыми окошками).

Сочетания типа *обычно всегда* украшают речь не только гуманитариев, но и представителей точных наук: *В Советском Союзе ведущие ученые — Абрам Иоффе, Мстислав Келдыш, Игорь Курчатов, Сергей Королев — обычно всегда были также компетентными руководителями своих собственных проектов* (Б.Н. Малиновский. История вычислительной техники в лицах, 1995).

Встречается подобное и в других языках, что наводит на подозрение об универсальности техники понимания подобных предложений.

Так, в английском корпусе сочетание *usually always* встречается (но очень редко): *We'd usually always have these arguments after we drank awhile, and Vicki claimed I'd get very mean when I was drunk but I think that she was the one who was mean* (Ch. Bukowski. 3 chickens). Сочетание *ordinarily always* столь же редко, в моем корпусе встретилось оно только один раз в переводном, а не оригинальном тексте: *And first you have to understand that a Roman Army ordinarily always sent ahead some groups of cavalry as observers for the march* (N. Machiavelli. On The Art of War). Последовательность же *always ordinarily* вряд ли можно встретить. Сочетание *generally always*, даже со значением «вообще говоря, всегда» (то есть эллипсис для *generally speaking, always*), очень нечасто, например: *It's generally always his one fault capsizes a man* (A. Ollivant. The Gentleman, 1908); «*They generally always like a male better,*» *said the attendant* (W. Somerset Maugham. Of Human Bondage); *The four of them are generally always together* (B. House. The Murder Monster).

Еще реже подобные сочетания встречаются во французском, например, в XIX в.: *Les engelures qui attaquent le nez, y laissent souvent une impression qui change la physionomie le*

reste de la vie; et les mains qui en ont essuyé de fortes, s' en ressentent ordinairement toujours (M. Tissot. Avis au peuple sur sa santé: T. 2).

Несколько больше примеров находим в немецком (но и здесь их гораздо меньше, чем в русском) — большей частью не в художественной литературе, а в эссе и философских сочинениях: *Das Unbewusste ruft auf ein Motiv im Gehirn für gewöhnlich immer die am leichtesten sich ergebende Reaction hervor* (E. von Hartmann. Philosophie des Unbewußten: Speculative Resultate nach inductiv-naturwissenschaftlicher Methode, 1869); *was, hoff' ich, für mich nahe genug war, da ich gewöhnlich immer hinter langen She- und Hörröhren mit meinem Herzen und Munde stand* (Jean Paul. Selberlebensbeschreibung).

Часто *immer* «всегда» входит в конструкцию с явным или скрытым компаративом, со значением «все больше и больше», и тогда *gewöhnlich immer* не имеет статуса синтаксического целого.

Пример явного компаратива: *Der Begleitete wird gewöhnlich immer ängstlicher und der Begleiter immer froher, je länger es währt* (Jean Paul. Hesperus oder 45 Hundposttage: Eine Lebensbeschreibung) — «Сопровождаемый становится обычно все боязливее, а проводник все радостнее, чем дольше это длится»; *Denn man ist gewöhnlich immer desto weniger republikanisch gesinnt, je höher der Rang ist, den man selbst in der Welt bekleidet* (G. Ch. Lichtenberg [Aus den «Sudelbüchern»]); *in diesen Büchern steht gewöhnlich immer ein Teil mehr, als man bei der ersten Lektüre herausgelesen hat* (K. Tucholsky. Schriften, 1930).

Пример скрытого компаратива: *Jede Wissenschaft hat ihre eigentümlichen Probleme, aus deren Lösung gewöhnlich immer neue, schwierigere hervorgehen* (F. Kirchner. Wörterbuch der philosophischen Grundbegriffe, 1886) — «В каждой науке есть свои специфические проблемы, из решения которых возникают обычно всё новые, более сложные».

В словосочетании же *immer gewöhnlich* элемент *gewöhnlich* является не наречием, а предикатом «всегда является обыч-

ным», и потому не может считаться соответствием русскому наречному сочетанию *всегда обычно*: *Der Tiergarten, nun meinetwegen, der kann passieren; aber er ist doch etwas Öffentliches, und was öffentlich ist, ist immer gewöhnlich. Und vieles, was man im Tiergarten sieht, ist geradezu zynisch* (Th. Fontane. Die Poggenpuhls, 1894).

Но вернемся к русскому.

По внутренней форме наши два наречия различны. *Обычно* — то, к чему кто-либо (субъект высказывания или действия) привык, то, что для него автоматически и ожидаемо. *Всегда* же бывает то, о чем говорится как о происходящем безотносительно к презумпциям, привычкам («обыкновениям») или ожиданиям какого-либо субъекта. То есть *обычно* — наречие субъективной установки, даже прогноза и ожидания, а *всегда* порождает у интерпретатора гипотезу о неизменных свойствах мира. Именно на таком противопоставлении основано употребление сочетания *обычно, но не всегда*.

Посмотрим, как выглядят «техники понимания» предложений с этими словосочетаниями.

Очень часто *обычно всегда* поддается логическому «оправданию», но оправдание это звучит очень надуманно. Например: *Этот ключевой пост научно-технической разведки обычно всегда занимал офицер КГБ* (К. Эндрю, О. Гордиевский. КГБ). Перифразировать это предложение можно так: «Обычно было так, что офицер КГБ занимал этот пост постоянно (а не временно и не по совместительству)». Аналогичен перифраз у следующего предложения: [...] *мистер Стерн обычно всегда был под рукой, черный том номер 61 из «Библиотеки всемирной литературы» лежал на краешке письменного стола, а его цветная суперобложка занимала пустующее место среди других томов БВЛ* (А. Житинский. Потерянный дом, или Разговоры с Милордом). А именно: обычно книга Стерна постоянно была под рукой и никуда не исчезала. Похожее верно и для такого предложения: *Снайперы, они обычно всегда одни ходят...* (А. Таманцев. Погоня за призраком, 2002). Однако вряд ли столь тонкий

квантифицирующий смысл вкладывали в свои предложения их авторы.

Несколько изысканней оправдание следующего предложения: *Спуск **обычно всегда** легче подъема, если он не особенно крут* (В.И. Пальман. Кратер Эршота): во всех ситуациях есть спуск и подъем; и обычно бывает так, что спуск не время от времени, а всегда легче подъема.

Еще большая изобретательность потребуется от интерпретатора, если он пожелает во что бы то ни стало чисто логически оправдать следующие предложения: *Шли они мимо даже одной «Волги», хотя у «волг» **обычно всегда** есть гараж, и им не свойственно легкомыслие «запорожцев»* (Вл. Кунин. Повести); [...] *мне, как плотнику, **обычно всегда** в первом эшелоне ехать приходилось...* (А. Шубин. Непоседы). Наконец, большой находчивостью должен обладать интерпретатор, перифразирующий такое предложение: [...] *сказал вдруг Антон, **обычно всегда** молчавший и сосредоточенно пивший свой чай* (Викт. Некрасов. В родном городе). А именно: в большинстве сфер жизни (поэтому и *обычно*), в которые попадал Антон, он всегда молчит.

А для других предложений этого типа подобный перифраз еще менее естественен или даже невозможен, ср.: ... *система **обычно всегда** сложнее любой из подсистем, входящей в ее состав* (В.В. Коштюев. Информационные системы и феномен жизни). Вряд ли имеется в виду такая интерпретация: «Обычно бывает так, что система в любое время своего существования сложнее любой из подсистем, входящей в ее состав».

В некоторых случаях возможность такой интерпретации исключается из-за наличия еще одного обстоятельства времени, например: ***Обычно всегда** элегантный, в изысканных костюмах, **сейчас** Михаил Сергеевич в свитере, выглядит похудевшим, ниже ростом и чрезвычайно возбужденным* (Л. Матрос. Презумпция невиновности). Здесь вряд ли имелось в виду, что «обычно было так, что всегда элегантный

М.С. сейчас выглядит похудевшим»: *обычно* нельзя «увязать» с *сейчас*.

Мешать подобному истолкованию может и вид глагола, например: *Не случайно именно на эту статью отреагировал обычно всегда пассивный «Сионистский Форум» Щаранского* (Л. Гунин. ГУЛаг Палестины). Если бы вместо *отреагировал* имелся итеративный глагол *реагировал*, то такая интерпретация была бы допустимой.

Следующее предложение допускает подобный перифраз только при презумпции о путешествии одного и того же субъекта — «Я» — по возможным мирам: *Кошка на коленях обычно всегда меня успокаивает* (А. Хургин. Комета Лоренца). Но явно не это имел в виду автор.

Пунктуация, указывающая на интонационные группы, может исключать подобное «разобшение» *обычно* и *всегда*, например: *Голос Брянцева, обычно всегда ровный, выдавал заметное нынче волнение* (А. Милицкий. Рассказы). Запятая в тексте перед *обычно* указывает, что *обычно всегда* должно восприниматься как единое целое, без противопоставления.

Есть предложения, только на первый взгляд кажущиеся нормальными, но в которых дотошный интерпретатор может усмотреть парадоксы.

Например: *Я говорил возбужденно, и, как всегда в таких случаях, голос мой звучал тоньше, чем обычно, что мне не нравилось* (Р. Ибрагимбеков. Структура момента). В этом предложении, на первый взгляд, сопоставляются свойства двух различных возможных миров: мир, каким он бывает всегда (*как всегда в таких случаях*), и привычный, обычный мир (*голос мой звучал тоньше, чем обычно*). Однако если приглядеться, то заметим: свойства, которыми нечто обладает всегда, во втором предложении подаются как обычные, но все-таки не обязательно постоянные. В этом-то и заключается скрытая парадоксальность подобных случаев.

Скрытые несуразницы бывают связаны также и не с совместным употреблением двух наших лексем, а с чем-то иным, например: *Обычно он любил плавать и показывать всем раз-*

нообразные стили, и плавал **всегда** долго (М. Климова. Голубая кровь). Странность этого предложения заключается в том, что один и тот же субъект, представленный «сингулярным термом» (singular term), не может «обычно любить». Множественным же субъектам это позволительно, например: *Дети обычно любят манную кашу* (ср. странные * *Паша обычно любит манную кашу* и * *Паша обычно любил манную кашу*). Множественные субъекты, кстати, бывают представлены и генерическим существительным в единственном числе: *Бобер (обычно) любит селиться рядом с жильем человека*. И так, *обычно* как квантор принимает в качестве переменной только множество более чем из одного объекта, этим отличаясь от всеядного *всегда*, ср.: *Все дети обычно всегда любят манную кашу*, где имеется в виду каждый отдельный ребенок.

В некоторых случаях коллизии смыслов не замечаются интерпретатором из-за слишком большой дистанции в предложении между двумя наречиями, например: *Еще Маруся помнила, что ей на ночь **всегда** давали молоко, у них была большая кружка с синим и золотым ободком, и мама говорила, что она «папина», а папа **обычно** был в рейсе, то есть в море, Маруся знала, что папа моряк, и она гордилась тем, что пьет из папиной чашки* (М. Климова. Голубая кровь). Спрашивается: из папиной чашки Маруся пила молоко всегда или обычно? И когда она гордилась тем, что пьет из папиной чашки: всегда или обычно?

Истолкование таких предложений напоминает путешествие по листу Мёбиуса: отправляясь на поиски их интерпретации, мы незаметно покидаем исходный возможный мир и попадаем в другой. Например, из абсолютного **всегда**-мира (такого, каким он является всегда, вне наших привычек) неожиданно мы попадаем в мир обычного, но не «всегдашнего».

На обнажении такого парадокса построена расхожая игра слов в следующем высказывании: *Только вот нескладуха получилась, как **обычно** у нас бывает: хотим как лучше, а выходит как **всегда*** (В. Козько. Прохожий: Провинциальные фантазии). Если, по примеру логиков, «раскрыть скобки» и по-

смотреть на распределение кванторов по пропозициям, составляющим данное целое высказывание, то получим: «мы обычно хотим как лучше, но обычно же выходит как всегда». То есть перифраз этого предложения приводит нас все к тому же **обычно всегда** в рамках простого предложения.

Итак, *обычно всегда* — это «загородочное» *всегда* (то есть «огороженный квантор» — *hedged quantifier*): говорящий «самоустраняется» от защиты своих высказываний, он сообщает, что просто привык к такому положению вещей (без претензии на оправданность своих ожиданий). А интерпретатор в таких случаях (обычно, но — как мы видели выше — не всегда) великодушно не упрекает говорящего в противоречии.

Общий вывод, который напрашивается из трех групп примеров, таков: понимая имплицитный смысл избыточных — «сверхэксплицитных» — выражений, мы далеко не всегда приходим к тому, что хотел сказать автор речи, или к тому смыслу, под которым он подписался бы, если бы проанализировал свою речь в соответствии с правилами логики.

7. Контрастивный анализ имплицитности. Из последних примеров видно, что заметить имплицитность, опираясь только на данные одного (родного) языка, бывает иногда очень трудно, если вообще возможно.

Не только истолковываемый автор и его произведение, но и его интерпретатор, не в меньшей степени, личность, а потому заслужил в последние годы большое число специальных исследований. Эти исследования показывают, что не только говорящий/пишущий обладает стилистикой (стилистикой продуцирования речи), но и интерпретаторы обладают своей стилистикой — восприятия (понимания) речи. Эта стилистика состоит из всевозможных «техник понимания».

То, как люди понимают речь, зависит от их личности, т. е. от личности интерпретатора, в частности, от интерпретаторского мастерства и от уверенности в своем этом мастерстве. Ведь то, что одному интерпретатору кажется лишь предположением об истинном смысле сказанного, другой считает несомненным. Эта презумпция самоуверенного интерпретатора со

времен Эдварда Зиверса (E. Sievers) называется «Я это знаю лучше говорящего».

Интерес к личности интерпретатора характерен для последних десятилетий не только в гуманитарных науках, но также в обыденной и в политической речи. Слово *интерпретация* в обыденном языке сегодня потеснило термины *толкование* и *истолкование*. Правда, слово *интерпретация* часто употребляется с уничижительным оттенком, когда говорят: *Это не непреложная истина, это всего лишь интерпретация*, имея в виду ограниченность знания. Однако старым эквивалентам свойственна не только эпистемическая, но и этическая оценочность, например: *Терминология науки не нуждается в осмыслении и интерпретации, фразеология идеологии нуждается в истолковании, в ассоциациях, в примысливании и т.п.* (А. Зиновьев. *Зияющие высоты*). Явная этическая оценка лежит в основе и такого употребления: *Автор текста не несет никакой юридической ответственности за истолкование своего текста, каким бы ни было истолкование и кто бы его ни предлагал* (там же).

Тем не менее, редко какая лингвистическая теория сегодня не подпишется под следующим основным положением интерпретирующего подхода: **значения не существуют сами по себе, не «содержатся» в словах и предложениях и не «извлекаются» из них, а «вычисляются» интерпретатором на основе свойств речи и ее контекста.** Целый ряд употребительных терминов получает при этом новое осмысление.

Так, целенаправленное общение рассматривается тогда как использование стратегий и техник продуцирования и интерпретации речи.

Очень многие современные лингвистические теории реализуют этот общий подход: например, конверсационный анализ, некоторые версии теории речевых актов и анализа дискурса. В этом ключе исследуются и объясняются семантические, синтаксические и прагматические свойства употребления языка.

«Филиалами» такого «интерпретирующего» подхода иногда считаются функциональный и когнитивный подходы. Во всяком случае, есть когнитивный интерпретационизм и функ-

циональный интерпретационизм. Так, с когнитивизмом связаны у интерпретационистов надежды выяснить, как выглядит процедура интерпретации: как выдвигаются гипотезы об интерпретации целого дискурса, когда этот дискурс находится в становлении, перед мысленным взором интерпретатора. А от функционализма интерпретационисты берут идею эффективного общения — то есть не только эффективной формулировки мыслей, но и эффективной интерпретации речи. Эффективность же заключается в оптимальном соотношении усилий: с одной стороны, усилия, затрачиваемые на речь и на ее понимание, с другой — получаемые результаты, скажем, убедительность речи и глубина понимания ее.

Дополнительно к этим положениям, характеризующим функционалистский и когнитивистский интерпретационизм, есть еще одно положение, общее для интерпретационизма в целом: понимание речи продуктивно, поэтому-то иногда в речи интерпретатор видит даже больше того, что хотел сказать сам автор речи. Отсюда — и знаменитый лозунг классиков романтической герменевтики: стремиться понять автора даже лучше, чем он сам. Но вот «наивной» герменевтике, с ее представлением о понимании как о копировании картины, это положение чуждо.

А именно, для лингвистического функционализма характерно мнение, что формы естественных языков создаются, регулируются, подчиняются требованиям, усваиваются и используются ради их коммуникативных функций.

Этот подход противопоставлен:

— с одной стороны, теориям языка, в которых структуры строго отграничиваются от функций;

— с другой стороны, тем теориям, в которых стремятся описывать и объяснять структурные факты *sui generis*, без соотнесения с ограничениями на форму, предъявляемыми целями коммуникации и средствами и ограничениями переработки информации человеком.

Фундаментальным для функционализма является следующее положение: форма языка соответствует функциям языко-

вого употребления, отвечает запросам этих функций. В то же время каждая конкретная функция текста, например, когда этот текст интерпретируется как реклама стирального порошка, как детективный роман или как признание в любви, результат интерпретации собственно текста на фоне оценки всего окружения интерпретатора и автора речи, включая фоновые знания, привносимые этими участниками в ситуацию общения. Значение текста «вырабатывается» интерпретатором во взаимодействии с мысленным образом автора. То есть значение текста «эмерджентно», оно «появляется» в результате «переговоров» интерпретатора с мысленным образом автора текста — по поводу того, как понимать речь этого автора. «Договоренность» достигается постепенно, не сразу и подвергается постоянной корректировке, поскольку фоновые знания говорящего и адресата не одинаковы и при общении торг по ним вполне уместен.

Еще один пункт схождения когнитивизма с функционалистами заключается в том положении, что грамматика рассматривается прежде всего как инструмент **эффективной** организации информации. Структура этого инструмента предопределяется именно функцией («form follows function»). Различные синтаксические категории в такой функциональной теории грамматики не независимые величины, а непосредственные отражения когнитивных категорий.

Именно поэтому универсалии, касающиеся форм языка, логически выводимы из функциональных принципов.

Но тогда возникает вопрос: а почему же все-таки языки такие разные? И на помощь приходит интерпретативное объяснение.

Человеческие общества используют различные наборы техник интерпретирования, составляющие то, что можно назвать «стилями интерпретации» и «культуры интерпретации». Имеется универсальное ядро таких техник: возможно, максимумы П. Грайса формулируют часть такого ядра. Однако кроме этого универсального ядра есть еще и переменные параметры, характеризующие только отдельные культуры и стили интерпретации.

Пик полезности интерпретирующего подхода — когда что-либо в тексте объясняется как недосказанность или избыточность. Однако именно такие моменты и становятся испытанием для терпения функционалиста.

Например, в разных интерпретативных культурах предполагается разная степень доверия к интерпретаторскому мастерству реального и/или потенциального адресата. Именно поэтому в разных языковых сообществах различаются стандарты эксплицитности как в переходе от одной реплики к другой и в подаче иллюстрации, так и в технике подачи отдельных пропозиций и связей между ними в дискурсе.

И именно различной степенью доверия к интерпретатору определяется употребление притяжательных местоимений в примерах, о которых я уже говорил.

Контрастивное исследование эксплицитности/имплицитности в различных речевых культурах включает:

1. Установление того, имеется ли связь между уровнем подразделением языка и уровнями эксплицитности. То есть можно ли говорить об эксплицитности на уровне отдельного звука (в противоположность умалчиванию этого звука), морфеме, слову, словосочетанию, предложению, или же эксплицитность характеризует коммуникативное значение знаков, внеположенное такому подразделению. Например, когда у вас спрашивают: «Как дела?» и вы подробно рассказываете все перипетии своей жизни со времени последнего разговора с собеседником, вас скорее всего обвинят в «избыточной эксплицитности», или, попросту, в занудстве. Эта сверхэксплицитность относится к тому прагматическому уровню, который характеризует всю жизнь отвечающего.

2. Сопоставление степени подробности высказывания и строения текста, реквизитного для каждой из сопоставляемых культур. Так, для русской культуры приветствие *Здрасьте* гораздо более привычно, чем более эксплицитные (и обязательные) в европейской культуре *Доброе утро!*, *Добрый вечер!* и тем более *Good afternoon!*